

УДК 1571

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-146-156

САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ГЕРОЯ МЕТАМОДЕРНИСТСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.²

¹ *Независимый исследователь*

г. Москва, Российская Федерация

² *Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова*

115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36., Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть самотрансценденцию – феномен посвящения себя социально значимому делу – как отличительную черту героя произведений английской литературы в рамках течения метамодернизма; провести сопоставление идеалов постмодернизма и метамодернизма, отражённых в литературных произведениях; показать значимость жанров биографии и псевдо-автобиографии в историко-культурном процессе. Благодаря методу анализа и синтеза авторы сопоставляют социально-исторические процессы с их литературным отображением и приходят к выводу, что именно изменение сознания – возвращение к целостности и синкретизму – даёт основу для самотрансценденции как понимания и реализации себя в мире.

Ключевые слова: метамодернизм, Джозжо Моййс, Клэр Норт, Пенелопа Фицджеральд, голубой цветок, самотрансценденция.

SELF-TRANSFORMATION AS A DISTINCTIVE FEATURE OF HERO OF A META-MODERN WORK

A. Markova¹, G. Mamukina²

¹ *Independent researcher*

Moscow, Russian Federation

² *Plekhanov Russian University of Economics*

36 Stremyannyu pereulok, Moscow 115054, Russian Federation

Abstract. The article proposes to consider self-transcendence – the phenomenon of devoting oneself to a socially significant purpose – as a distinctive feature of the hero of English literary works within the framework of the course of metamodernism; to make a comparison the ideals of postmodernism and metamodernism reflected in literary works; show the importance of biography and pseudo-autobiography genres in the historical and cultural process. With the help

of analysis and synthesis method, the authors compare socio-historical processes with their literary mapping and come to the conclusion that it is the change of consciousness – a return to integrity and syncretism – that provides the basis for self-transcendence as an understanding and realization of oneself in the world.

Keywords: metamodernism, Jojo Moyes, Claire North, Penelope Fitzgerald, blue flower, self-transcendence.

Метамоде́рнизм, заявленный его основателями Т. Вермюленом, Р. Аккером и Л. Тёрнером как *маятниковое колебание между модернизмом и постмодернизмом* и позиционируемый как «одновременность между двумя абсолютно противоположными понятиями»¹ [8], заставляет литературоведов задаться вопросом, какими чертами будут обладать главные герои новых произведений, что будет их вдохновлять и подвигать на какие-то действия.

Данный вопрос, хотя и является, прежде всего, литературоведческой проблемой, выходит за рамки литературы. Как известно, литературная традиция модернизма и постмодернизма носит социальный и культурный характер, становясь площадкой для становления и репрезентации религиозно-философских взглядов писателей. Их автобиографическая манера письма, рефлексия о смысле бытия, анализ культурно-исторических явлений и своей роли в мировом процессе фактически изменили представление о литературе. Благодаря произведениям Р. М. Рильке, Э. Хемингуэя, Ж. П. Сарта, А. Камю, А. Жида и других авторов в литературе сформировался особый диалог с читателем.

¹ Тёрнер Л. Метамоде́рнизм: Краткое введение / пер. Устиновой А. [Электронный ресурс] // METAMODERN. Журнал о метамоде́рнизме: [сайт]. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 03.07.2018).

Особенность автобиографии и биографии позволяет писателю ненавязчиво становится психологом, учителем, аналитиком. И в то же время – персонажем собственного произведения. И «как главный “герой”, обобщая накопленный жизненный опыт, “он вновь переживает и учится из опыта своих дней, радости, вины и зла”» [4, с. 66; 16].

Это создаёт репортажный эффект присутствия, что повышает у читательской аудитории степень доверия и вовлечённости в произведение.

Как отмечает Ж. А. Голенко, автобиография служит для формирования особого пространства, «в рамках которого человек “сам превращает себя в субъекта”» (Фуко), т. е. в автора» [3, с. 85]. И, следовательно, идеи, воспринимаемые им как читателем, через литературные тексты, воспринимались и воспринимаются в качестве социальной программы.

Как известно, постмодернизм в культурно-историческом контексте отличающийся «презумпцией “руин”, лежащей в основании постмодернистского типа философствования» [5, с. 64] явил собой глубочайший кризис и одновременно апогей индивидуализма. Точно так же, по утверждению Ф. Ницше, «изливается вся чрезмерность природы в радости, страдании и познании, доходя до пронзительного крика»².

² Ницше Ф. В. Рождение трагедии // Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. А. Михайлова [Электронный ресурс]. URL: <http://platon.a>

Это легло в основу постмодернистской философии, которая «самим своим существованием манифестировала всеобщую деконструкцию, разборку существующих дискурсов и последующее извлечение из них человека, как умершего автора (М. Фуко)» [6, с. 31].

Поэтому нет ничего удивительно, что читатель, мыслящий себя как соавтор, а точнее, как «герой» своей собственной истории, перенимал эти установки.

Творческая личность эпохи постмодерна буквально разбивается на осколки. Художник приобрёл статус эпатажного безумца, а его произведения перестали нести в себе содержательный и созидательный аспекты, став воплощением экспрессии, надрыва, разрушительной энергии.

И это привело к тому, что все сферы социально-экономической деятельности ощутили острую нехватку эмоционально-интеллектуальных ресурсов. И этим объясняется повышенный, утилитарный интерес к формированию творческой личности, потенциал которой мыслится как фактор, «обеспечивающий поступательное движение общества, уровень его благосостояния и прогресса» [15, с. 249].

При этом само формирование личности представлялось весьма фрагментарно, что вполне объясняется общим культурно-историческим процессом «парадигмальной ориентации на усматривание за каждой предметностью фундаментального, неизбывного хаоса» [5, с. 63–64].

Опорой для такой личности становятся автобиографические и био-

графические произведения, регламентирующие её поведение в обществе, дающие ориентиры в атмосфере хаоса. Так, образ бунтаря-одиночки из художественных произведений переходит в реальную жизнь и служит для формирования индивидов как представителей неформальных организаций – «самостоятельных молодёжных структур, которые имели место во второй половине прошлого века» [7, с. 81].

И позже именно постмодернистские романы становятся базой для культивирования образа творческой личности как независимого, непризнанного, презирающего всех гения, успешного лидера – беспринципного эгоиста. Достаточно вспомнить произведения П. Зюскинда, Ф. Бегбедера, В. О. Пелевина и С. С. Минаева.

Однако стоит отметить, что именно постмодернизм обнажил суть проблемы индивидуализма (который, по мнению известного социолога второй половины двадцатого века Э. Фромма, явился следствием разрушения целостного сознания) – «растущее одиночество» [14, с. 32].

Как замечает социолог, рассматривая процесс индивидуализации сначала на микроуровне личностного развития, а затем на макроуровне историко-культурных закономерностей: «Процесс, который развивается на основе растущей индивидуализации и растущей свободы индивида, является диалектическим. Ребёнок становится более свободным, он может развивать и выражать свою сущность Но при этом ребёнок освобождается от мира, давшего ему безопасность и покой» [14, с. 33–34].

Этот процесс может быть весьма травмоопасным для личности, что

net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_zhizni/nitsshe-rozhdenie-tragedii (дата обращения: 15.06.2018).

подтверждает культурно-историческая закономерность, которая от Нового времени привела человечество к постмодернизму. Однако, «если бы каждый шаг в направлении отделения и индивидуализации сопровождался соответствующем *ростом личности* (курсив наш. – Г. М. и А. М.), развитие ребёнка было бы гармонично» [14, с. 34].

Как достичь этой гармонии: в развитии личности, во взаимоотношении человека с миром, с социумом и самим собой? Постмодернизм заставил задуматься над этими вопросами, предлагая бытию тотальное разрушение, обезличивание, крушение всех ценностей. Но не мог дать на них ответ.

Стало очевидно, что далее по пути разрушения идти невозможно; что мир, социум, историко-культурный процесс нуждается в новой культурной парадигме.

И она была представлена идеологами течения метамоде́рнизм как необходимость, прежде всего духовная, в самотрансценденции.

Л. Тернер в статье «Метамоде́рнизм: Краткое введение» отмечает: «Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя. Я бы сказал, что сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции. Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, *отдаваться делу, которому человек себя посвятил* (курсив наш. – Г. М. и А. М.)»¹.

¹ Тернер Л. Метамоде́рнизм: Краткое введение / пер. Устиновой А. [Электронный ресурс] // METAMODERN. Журнал о метамоде́рнизме: [сайт]. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 03.07.2018).

Важно отметить, что творческая активность в концепции метамоде́рнизма имеет положительную *социальную* направленность. Это связано и с основными постулатами нового течения, манифестирующего: «процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам»², и с формированием *целостного сознания*, так как именно оно позволяет в каждом благородном деле видеть «единый, истинный венец»³ и формировать «целостную мифическую систему» [11, с. 197].

Также важно отметить, что именно в метамоде́рнистском произведении особое значение приобретает полифоничность. Точно так же, как «коллаж как жанр, например, в постмодернизме и в метамоде́рнизме может иметь диаметрально противоположное значение» [10, с. 93], различную роль в обоих этих течениях играет и полифония.

Если в постмодернизме она используется для того, чтобы подчеркнуть одиночество, пустоту и духовную изоляцию каждого из героев произведения (П. Зюскинд «Парфюмер», Дж. Барнс «История мира в 10 S главах», В. Пелевин «Жизнь насекомых»), то в метамоде́рнизме — служит для создания ощущения, пусть и фрагментарного, но целого.

Мы можем утверждать, что самотрансценденция как отличительная черта героев новых произведений уже

² Тернер Л. Метамоде́рнизм: Краткое введение / пер. Устиновой А. [Электронный ресурс] // METAMODERN. Журнал о метамоде́рнизме: [сайт]. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (дата обращения: 03.07.2018).

³ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 24.

вошла как в массовую, так и в серьёзную литературу, в чём можно убедиться на примере английской литературы.

Роман известной английской писательницы Джоджо Мойейс «До встречи с тобой» (Jojo Moyes "Me Before You") на первый взгляд может показаться типичным женским романом. Луиза Кларк – неординарная девушка из семьи, испытывающий материальные трудности, устраивается на работу в богатый дом. С молодым хозяином у неё далеко не сразу складываются отношения, но затем они перерастают в дружбу, а позже и в более глубокие чувства. Сюжет показался бы заурядным, если бы не один нюанс – главный герой, Уильям Трейнор, попал в инвалидное кресло в результате несчастного случая и даёт родным год, чтобы свыкнуться с мыслью о его решении оставить этот мир.

Мировая литература знает немало случаев, когда тривиальные истории превращались в шедевры. Так, например, по замечанию В. В. Набокова, «художник с талантом Флобера ухитряется превратить убогий, по его собственным представлениям, мир, населённый мошенниками, мещанами, посредственностями, скотами, сбившимися с пути дамами, – в один из совершеннейших образцов поэтического вымысла...» [13, с. 233].

Так и «До встречи с тобой» представляет собой куда более глубокое творение. Работа Д. Мойейс над текстом позволяет заметить сложный эмоциональный рисунок, необходимый для достижения авторской задачи – создания контекста, провоцирующего читателя на активные действия. А. И. Михеева и С. Е. Тупикова, анализируя соотношение в тексте аттрак-

тантов (эмотивов с положительным оттенком) и репилентов (эмотивов с отрицательным оттенком), приходят к выводу, что «отрицательных эмотивов немного больше, чем положительных. Это объясняется тем, что подобные единицы порождаются наиболее яркими и запоминающимися признаками, в основе которых чаще всего лежат негативные впечатления» [12, с. 169].

Иными словами, роман представляет собой драму, остросоциальное произведение, которое лишь искусно замаскировано под женскую прозу.

Большая часть повествования ведётся от лица главной героини и лишь ближе к концу произведения сюжетную линию дополняют её сестра и мать главного героя, но никто из героев не может ни изменить прошлого, ни существенно повлиять на будущее.

Казалось бы, зачем же тогда написано произведение? Как полагают авторы данной работы, ответ на этот вопрос следует искать в самотрансценденции, более явно себя проявляющей в действиях Луизы. Её усилия, её искреннее желание повлиять на ситуацию и помочь человеку, способствуют «очеловечиванию» мира вокруг неё. Она начинает видеть в окружающих её людях – личностей, с определёнными взглядами, интересами, запросами. Но – что ещё важнее – она воспринимает саму себя иначе: как субъекта, обладающего потенциалом, готового к активной деятельности.

Но также не следует забывать, что и внимание со стороны Уильяма, его отношение к девушке, рекомендации по поводу книг, фильмов, музыки, внимание к её интересам и жизненным обстоятельствам способствуют пробуждению новой Галатеи, как в своё время

способствовали становлению Элизы Дулиттл.

До встречи с Уильямом Трейнором Луиза Кларк, хотя и является яркой, жизнерадостной и неординарной особой, но вынуждена жить в заточении в небольшом городе, не решаясь как-то заявить о себе миру. Название романа говорит о том, что героиню ждут перемены. Для Луизы Кларк как для героини в полной мере справедливо, что «стремление к максимуму самовыражения создаёт личность» [6, с. 37]. И автор призывает к тому же и своих читателей: к саморазвитию и самотрансценденции.

О самотрансценденции как о возможности оставить свой след в мире говорит и Кэтрин Уэбб, работающая под несколькими псевдонимами, в том числе и – Клэр Норт, в романе «Совершенство» (Catherine Webb (Claire North) “The sudden appearance of hope”). Дословно название произведения можно перевести как «Внезапное появление надежды», что заставляет читателя уловить символический подтекст: современная реальность пребывает в состоянии забвения простых истин, но появление новой надежды может всё изменить.

Суть произведения подчёркивается и важной особенностью главной героини Хоуп (hope – англ. надежда) Арден: люди забывают о ней сразу, как она выпадает из их поля зрения.

Из-за этого Хоуп попадает в социальную и духовную изоляцию, не в силах преодолеть отчуждение окружающих. Слова её звучат как крик о помощи: «Я пишу эти строки, чтобы меня запомнили»¹. Её угнетает отсут-

ствие возможности самореализации, что толкает на преступления. Громкие кражи, о которых напишут в газетах, становятся необходимостью для подтверждения собственного существования.

Но ей мало этого. Хоуп необходимо, чтобы кто-то смог разглядеть в ней личность за бесчисленной чередой лживых улыбок и вымышленных имён. Не удивительно, что мимолётное упоминание о ней, зафиксированное в дневнике жертвы суицида – женщины, доведённой до отчаяния отношением близких, заставляют Хоуп мстить и бороться. Это борьба неожиданно для самой мисс Арден приобретает мировой масштаб. Героине предстоит столкнуться с мощной корпорацией, по сути обезличивающей людей, которые в погоне за «совершенством», готовы пожертвовать своей индивидуальностью и волей.

Эта борьба становится для Хоуп настоящим испытанием, но гораздо большим – понимание, которое постепенно приходит к ней: «По плодам их узнаете их» (Ев. Мтф, 7:16). Оказывается, что её союзники по борьбе имеют свои, скрытые, мотивы.

В финале романа Хоуп возвращается к сестре, единственной, кто способен вспомнить её, узнать. Героиня приносит той простые, но важные подарки: «фильмы о приключениях и отчаянных храбрецах, о торжестве добра (курсив наш. – Г. М. и А. М.), о красоте, одолевающей зло, о героях и негодяях, о ... простом мире»².

Сама автор, через рассказчицу, желает показать возможность существования мира, в котором снова принято

¹ Норт К. Совершенство / пер. с англ. С. Алукард. М.: АСТ, 2018. С. 5

² Норт К. Совершенство / пер. с англ. С. Алукард. М.: АСТ, 2018. С. 605.

говорить о благородстве, об истинных ценностях, о самотрансценденции. И у каждого человека есть выбор, куда и на что направить свои силы.

Между тем другая английская писательница, Пенелопа Фицджеральд (Penelope Fitzgerald), лауреат Букеровской премии, задаётся иным вопросом: при каких условиях самотрансценденция вообще может быть осмыслена индивидуумом как необходимая составляющего личностного развития?

Ответ на этот вопрос даёт роман, вошедший в десятку лучших исторических романов по версии газеты "The Guardian"¹, посвящённый жизни и творчеству Фридриха фон Гарденберга (Новалиса) – «Голубой цветок» ("The Blue Flower").

Тексту романа присуща фрагментарность: он как будто сшит из писем, заметок из дневников, стихов, суждений, впечатлений и повседневных, на первый взгляд, малозначимых событий, – и полифоничность. «Голубой цветок» является хорошей иллюстрацией нового типа мышления, которое, как заметил М. М. Бахтин, анализируя творчество Ф. М. Достоевского, «мы условно назвали полифоническим» [2, с. 5]. Иными словами, автор в тексте никак себя не проявляет, давая право голоса персонажам, которые свободно общаются друг с другом, акцентировано произнося немецкоязычные слова, погружая читателя в атмосферу Пруссии конца XVIII в.

Как замечает живой классик английской литературы Дж. Барнс, произ-

ведения П. Фицджеральд «не похожи на исторические романы, если рассматривать их как книги, в которых мы, современные читатели, переносимся в прошлое благодаря автору, который попутно предоставляет нам необходимую информацию. Скорее, они похожи на принадлежащие к определённой эпохе романы, куда мы попадаем на равных правах с героями. Как будто мы читаем роман в период, когда он был написан, – и при этом остаёмся в нашем собственном времени» [1, с. 21–22].

Это является необходимым условием не только для раскрытия персонажей, большая часть которых является реальными историческими личностями, но и для понимания центрального вопроса произведения: «Что такое голубой цветок?»

Нам, живущим в начале XXI в., кажется, не составит труда дать ответ на этот вопрос. Мы знаем, что «Голубой цветок» является символом немецкого романтизма. Также мы можем сказать, что данный образ «даёт отсылку внимательному читателю в область коллективного бессознательного, где возможна встреча с истинным чудом» [9, с. 207]. Но в то время, во времена Новалиса, все эти знания лежали лишь в области интуитивного познания.

Именно поэтому ответ на центральный вопрос читатель должен дать самостоятельно, автор может только подготовить нас к ответу, создавая атмосферу чуткого восприятия мира.

Пожалуй, роман П. Фицджеральд о возможности преодоления утилитарного понимания жизни, о встрече с прекрасным. Эта встреча способна навсегда изменить образ мышления.

¹ Skidelsky W. The 10 best historical novels [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/culture/gallery/2012/may/13/ten-best-historical-novels> (дата обращения: 15.06.2018).

Как это случилось с одной из героинь, Каролиной Юст. Когда Фридрих впервые пытается заговорить с ней, мы видим, насколько тяготит её дружеское внимание Харденберга: «Он ей доверял всё-всё, он говорил без умолку. Ни шитьё, ни заготовка колбасы тут не были помехой. Рубя колбасу, Каролина узнала, что мир вовсе не близится день ото дня к погибели, но стремится к бесконечности»¹.

Так, в ироничном тоне, но весьма метко, П. Фицджеральд противопоставляет линейное мышление целостному, мифическому сознанию. И, будучи причастны к этому сознанию через образ голубого цветка, через творчество и самотрансценденцию Фридриха Харденберга как героя произведения, персонажи романа постепенно обретают целостность и мудрость.

Та же Каролина, которая до встречи с Фридрихом занималась домашними делами и беспощадно ощипывала живых гусей на писательские перья, позже со всей ответственностью подмечает: «...хотя культура человеческая и промышленность могут развиваться,

Природа пребудет неизменной, и наш первейший долг уважать те требования, какие она к нам предъявляет...»².

Её слова звучат не только для собеседника, но и для читателя. В этом отношении «Голубой цветок» продолжает литературную традицию модернизма/постмодернизма через биографическое повествование вести диалог с читательской аудиторией. И, как мы видим, цель этого сообщения уважительное отношение к миру, к друг другу.

Таким образом, мы можем заключить, что метамодернизм как течение является продолжением литературной традиции XX в., которая предполагает философский диалог с читателем и репрезентацию религиозно-философских взглядов.

Благодаря этому вопрос самотрансценденции, который ставит перед собой метамодернизм, получает широкий резонанс и находит своё отражение в литературе, как в массовой, так и в интеллектуальной.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнс Дж. За окном. М.: Эксмо, 2013. 320 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 416 с.
3. Голенко Ж. А. Рождение читателя не означает смерть автора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 4. С. 85–87.
4. Голубева Т. И., Фирсова С. В. Повествование от первого лица как одна из основных лингвистических характеристик текстов автобиографий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (48). С. 65–68.
5. Григорьева Е. С. Метамодернизм как практический романтизм // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (30 июня 2016 г.). Курск: Университетская книга, 2016. С. 62–65.

¹ Фицджеральд П. Голубой цветок // Иностранная литература. 2016. № 9. С. 40.

² Фицджеральд П. Голубой цветок // Иностранная литература. 2016. № 9. С. 120.

6. Лазарев Ф. В., Чернявская М. Н. Метамодернизм и синцеритивизм в современном культурном пространстве: взгляд по ту сторону эпохи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 29–39.
7. Мамукина Г. И. Неформальные объединения, как объект социального управления: дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 193 с.
8. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамодернизм в концепции А. Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 3 (39). С. 128–138.
9. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 205–208.
10. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 1. С. 89–98.
11. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Национальный код как смысловое ядро поэмы «Крестьянин Гельмбрехт» В. Садовника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 195–204.
12. Михеева А. И., Тупикова С. Е. Лингвистические средства выражения эмоций в художественном англоязычном дискурсе // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов IX Международной конференции (Саратов, 21–22 февраля 2017 г.). Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 166–171.
13. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-Аттикус. 2016. 544 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М.: АСТ, 2016, 288 с.
15. Шайкина В. Н. Творческая личность и её качества // Альманах современной науки и образования. 2007. № 5 (5). С. 249–252.
16. Howarth W. L. Some Principles of Autobiography // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / ed. by J. Olney. New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 84–114.

REFERENCES

1. Barns J. *Za oknom* [Outside the window]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 320 p.
2. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* Problems of Dostoevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 416 p.
3. Golenko Zh. A. [The birth of the Reader doesn't mean death of the Author]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of RUDN. Series: Studies in Literature and Journalism], 2011, no. 4, pp. 85–87.
4. Golubeva T. I., Firsova S. V. [First-person narration as one of the main linguistic characteristics of autobiographical texts]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 6-2 (48), pp. 65–68.
5. Grigor'eva E. S. [Metamodern as practical romanticism]. In: *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti ikh resheniya: sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30 iyunya 2016 g.)* [The management of socio-economic development of regions: problems and ways of their solution: collection of articles 6th International scientific-practical conference (June 30, 2016)]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2016. pp. 62–65.
6. Lazarev F. V., Chernyavskaya M. N. [Metamodernism and sincerityvism in contemporary cultural place: looking beyond the epoch]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific Notes

- of V. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2015, vol. 1 (67), no. 4, pp. 29–39.
7. Mamukina G. I. *Neformal'nye ob"edineniya, kak ob"ekt sotsial'nogo upravleniya: diss. ... kand. sots. nauk* [Informal enterprises as an object of social management: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 193 p.
 8. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodernism in the concept of A. Chuchin-Rusov "The single field of world culture"]. In: *Nauchnyi zhurnal Sovremennye lingvistichekieskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], 2018, no. 3 (39), pp. 128–138.
 9. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype "blue flower" as a national code in the German mythological consciousness]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2018, no. 5, pp. 205–208.
 10. Markova A. S., Mamukina G. I. [Metamodernism: overcoming discreteness and individualism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2019, no. 1, pp. 89–98.
 11. Markova A. S., Mamukina G. I. [The national code as the semantic core of the poem "The Peasant Helmbrecht" by Wernher der Gartnaer]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2018, no. 5, pp. 195–204.
 12. Mikheeva A. I., Tupikova S. E. [Linguistic means of expressing emotions in artistic English-discourse]. In: *Inostrannyye yazyki v kontekste mezhhkul'turnoi kommunikatsii: Materialy dokladov IX Mezhdunarodnoi konferentsii (Saratov, 21–22 fevralya 2017 g.)* [Foreign languages and intercultural communication: proceedings of the 9th International conference (Saratov, February 21–22, 2017)]. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2017. pp. 166–171.
 13. Nabokov V. *Leksii po zarubezhnoi literature* [Lectures on foreign literature]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 544 p.
 14. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, AST Publ., 2016, 288 p.
 15. Shaikina V. N. [Creative personality and its qualities]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2007, no. 5 (5), pp. 249–252.
 16. Howarth W. L. Some Principles of Autobiography. In: Olney J., ed. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. New Jersey, Princeton University Press Publ., 1980. pp. 84–114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – независимый исследователь;

e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;

e-mail: mamukina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – independent researcher;

e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – PhD in Sociological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;

e-mail: mamukina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И. Самотрансценденция как отличительная черта героя метамодернистского произведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 146–156.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-146-156

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I. Self-transformation as a distinctive feature of hero of a meta-modern work. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3. pp. 146–156.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-146-156